
ЛИССБЕТ КОТЦОВА
ИЗМЕНА
Его вторая семья
Измена. Тайный ребёнок, Разбитая любовь

Лиссбет Котцова

Измена. Его вторая семья

«Литнет»
2026

Котцова Л.

Измена. Его вторая семья / Л. Котцова — «Литнет», 2026

Семь лет я ждала, когда он выберет меня.Семь лет верила, что «ещё немного — и всё изменится».Никита был моей любовью. Моей болью. Моей зависимостью.Мужчиной, который не спешил делать предложение… но требовал от меня идеальной жизни рядом.И когда он наконец надел кольцо на мой палец — я поверила:я победила.Ошиблась.Потому что на той самой свадьбе, где он впервые назвал меня своей невестой,я даже не догадывалась… что где-то растёт его сын.Четырёхлетний мальчик, который называет его папой.И женщина, которая уверена, что она — единственная.Теперь вопрос только один:кем была я все эти годы — любимой… или удобной?

© Котцова Л., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Семь лет ожидания 5
Глава 2. Переезд в Петербург 7
Глава 3. Мечты о семье 9
Глава 4. Ссора на пустяках 11
Глава 5. «Ты слишком эмоциональна» 13
Глава 6. Друзья и поддержка 15
Глава 7. Работа и независимость 17
Глава 8. Семейные воспоминания 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Глава 1. Семь лет ожидания

— Ты опять оставил носки на полу.

Я стою на кухне и тихо сжимаю чашку, чтобы не тряслись руки.

Семь лет.

Семь длинных лет я терпела эти придирки, эти его взгляды, которые ранили сильнее, чем любое слово.

Никита.

Мужчина, которого я люблю больше всего на свете.

Мужчина, который ежедневно показывает, что я не идеальна.

— Люда, я с тобой разговариваю! — его голос становится резче, холоднее, как будто металл.

Я знаю, что сейчас начнётся.

Начнётся с обычной мелочи.

И закончится обвинением, криком и… болью.

Болью, которую я уже научилась прятать за улыбкой, за тихим «да, извини».

— Я вынесу, — тихо говорю я, но внутри меня буря.

— Когда? Через неделю? — он усмехается, и в этой усмешке — вся его власть.

Вся моя слабость.

Я закрываю кран.

Вода больше не шумит — и в квартире становится жутко тихо.

— Ты из-за этого кричишь?

— Я не кричу! — он делает шаг ко мне. — Я просто прошу элементарные вещи. Или это сложно?

Я медленно оборачиваюсь и смотрю на него.

На мужчину, который был со мной восемь лет.

На мужчину, которого я ждала. Который обещал: «Скоро, ещё чуть-чуть».

На мужчину, от которого каждый день я ждала одного — предложения.

— А жениться на мне — это тоже «элементарная вещь»? — спрашиваю я тихо, почти шёпотом.

Он замер.

На секунду.

И в этот момент я вижу его настоящую сущность — холодную, как лёд, и беспощадную, как снегопад, который накрывает всё вокруг, оставляя только пустоту.

— Мы опять начинаем? — с лёгкой насмешкой, но без улыбки.

И я понимаю: я его не могу изменить. Никогда.

Что я для него? Любовь или удобство? Надежда или просто привычка?

Я закрываю глаза и думаю обо всём, что мы прошли.

О всех ссорах, слезах, попытках быть лучше для него.

О семи годах ожидания, когда я мечтала о семье, о детях, о нашем будущем.

И понимаю страшную правду: он не изменится.

Ни сейчас, ни завтра.

Ни через семь лет.

— Я ухожу.

— Я не знаю, откуда берётся сила, но слова вырываются из меня, как из глубины души.

Он смеётся.

Смеётся так, будто это шутка.

— Куда? — голос будто тает, но внутри него скрыт вызов.

Я поднимаю голову и встречаю его взгляд.

— Туда, где меня будут ждать. Туда, где я буду нужной. Там, где меня любят… а не терпят.

И в этот момент я чувствую, как что-то внутри меня ломается.

Все годы ожидания, все надежды, все маленькие радости — всё это превращается в пепел.

Но одновременно что-то внутри меня просыпается.

Сила.

Гордость.

Жажда жить для себя.

Я беру пальто, беру сумку — и понимаю: это первый шаг к свободе.

И впервые за долгое время я не плачу.

Я чувствую лишь один острый, болезненный, но честный факт:

я больше не буду ждать его.

Никогда.

Глава 2. Переезд в Петербург

— Ну вот мы и в Питере, — Никита обводит рукой новую квартиру, будто показывает свой трофей.

Я стою у окна и молчу.

За стеклом серое небо, холодный дождь и редкие машины.

Сердце сжимается.

Петербург — красивый, шумный, чужой город.

Но я здесь не ради красоты. Я здесь ради него.

— И как тебе? — Никита улыбается, но это его привычная холодная улыбка, которая никогда не обнажает настоящих эмоций.

— Красиво, — тихо отвечаю я.

Но внутри буря.

Потому что «красиво» здесь значит только «другая жизнь», другой ритм, другой мир. Мир, где у меня нет опоры, кроме него.

Он подходит ко мне и берет мою руку.

Тепло, которое он излучает, смешано с контролем.

— Ты всегда такая задумчивая, Люда? — шепчет он, и я чувствую, как внутри меня скручивается что-то знакомое и болезненное.

Я не знаю, что ответить.

Ведь если скажу правду — он разозлится.

— Всё в порядке, — выдаю привычную фразу.

— Хочешь кофе? — добавляю, чтобы сгладить напряжение.

Но он смотрит на меня с этой тихой резкостью, которой достаточно, чтобы я поняла: он знает, что я притворяюсь.

— Кофе? — повторяет он.

— Ты всегда такая нервная, когда переезжаем.

— Не нервная… просто устала, — выдыхаю я, и голос дрожит.

— Устала? — Никита поднимает бровь, и это всегда значит одно: он сейчас будет упрекать, контролировать, находить повод.

— Я старалась… — тихо говорю я, и мне кажется, что голос дрожит.

— Старалась? — повторяет он, подходя ближе.

Его лицо холодное, почти металлическое.

— Люда, я хочу, чтобы ты делала всё идеально. Или хотя бы близко к идеалу.

Я замираю.

Каждая клетка кричит: «Почему я терплю это столько лет?»

Но я молчу, потому что знаю: если я взорвусь сейчас — мы разрушим первые дни здесь, в новом городе, и я потеряю хоть малюсенькую надежду, что мы сможем быть счастливы.

— Хорошо, — тихо говорю я.

— Буду делать «для себя».

Он кивает, и на мгновение кажется, что напряжение спало.

Но это обманчиво.

Я знаю его.

Вскоре придет новый упрёк, новое замечание, новый удар по моей самооценке.

Я бросаю взгляд на окно.

Дождь стучит по стеклу, как метроном, отсчитывая секунды, минуты, годы ожидания.

Семь лет.

Семь лет, которые я провела рядом с человеком, который обещал «ещё немного» и никогда не спешил.

— Люда… — Никита берет меня за плечо.

Его прикосновение тяжелое, требовательное.

— Ты что задумалась?

— Да, — выдыхаю я. — Думаю о том, как всё изменится.

Он улыбается снова, но его глаза холодны.

— Не изменится. Ты будешь делать то, что я скажу, а остальное — забудешь.

Слова режут меня, словно нож.

Я хотела бы закричать, разорвать его на куски, сказать, что я больше не хочу подчиняться.

Но я молчу.

Потому что люблю.

И потому что боюсь.

— Хочешь, я покажу тебе вид из кухни? — спрашивает он, и голос снова мягкий, как будто он пытается залатать трещины.

— Да… — отвечаю я.

Мы идём по квартире.

Каждый шаг — будто шаг по минному полю.

Я боюсь сказать что-то лишнее, боюсь, что этот день разрушится.

Новая кухня, новые комнаты, новый город… и всё это ощущается пустым без свободы, без возможности быть собой.

— Ты будешь готовить завтра? — Никита спрашивает неожиданно, и я вздрагиваю.

— Да… — шепчу я.

— У тебя всё идеально получится, — добавляет он, и это впервые звучит почти как похвала.Но я знаю, что завтра он найдёт, за что меня отчитать.

И вот я стою на балконе, смотрю на дождливый Петербург и думаю: «Семь лет… а я всё ещё верю в него. Всё ещё люблю. Всё ещё надеюсь…»

Вдруг раздаётся звонок в дверь.

Я вздрагиваю, а Никита просто улыбается:

— Наверное, соседи. Или кто-то из знакомых.

Я иду открывать и замираю: за дверью стояла женщина с папкой и улыбается так, будто знает что-то важное.

— Добрый день, — говорит женщина, но её взгляд будто пронзает меня насквозь.

— Я к Никите… по поводу его ребёнка.

Слова застряли в воздухе, в квартире, в моём сердце.

Семь лет ожидания.

Семь лет надежды.

И вот — первый удар.

Я стою, не в силах пошевелиться, не в силах дышать, и понимаю, что переезд в Петербург — это только начало шторма, который разрушит всю мою жизнь.

Глава 3. Мечты о семье

Я сидела на краю кровати, держа в руках маленькую куклу, которую когда-то подарила себе на день рождения.

Казалось бы, детская глупость — но внутри что-то щемило, словно напоминало: я хочу быть мамой.

Я хочу детей.

Настоящих, живых, смех которых наполняет дом, а не пустоту наших вечеров.

— Люда, ты опять задумалась? — Никита подошёл с кружкой кофе.

Его взгляд был мягким, но я чувствовала привычный холод в кончиках пальцев.

— Просто думаю… — сказала я тихо, не поднимая глаз.

— О чём? — Он сел рядом, наклонился ко мне.

Его прикосновение одновременно манило и давило, как будто он хотел быть ближе, но контролировать каждое движение.

Я собрала храбрость.

— О будущем. О семье. О детях. — Голос дрожал, но я решила сказать вслух то, о чём думала годами.

Он нахмурился, вздохнул, и я сразу поняла: этот разговор будет трудным.

— Дети… — протянул он. — Мы говорили уже тысячу раз. Мы ещё не готовы.

— Ты говоришь «ещё немного» уже шесть лет! — слёзы подступили, и я их проглотила.

— Шесть лет! Каждый раз, когда я спрашиваю, ты откладываешь. И что? Я теряю время! Мои годы уходят, Никита!

Он замер, будто я ударила его словом.

Потом тихо сказал:

— Люда, не кричи. Всё будет в своё время. Я не тороплюсь, а ты… — он махнул рукой, словно мне нужно понять, что я слишком эмоциональна.

— Слишком эмоциональна? — повторила я, пытаясь сохранить голос ровным. — Я мечтала о семье! Мечтала о детях! И всё, что я получаю — это обещания и отговорки. Семь лет, Никита! Семь!

Он отстранился, посмотрел в окно.

— Семь лет — это не так много, — сказал он спокойно, будто говорил о погоде. — Мы всё ещё молоды, всё ещё можем планировать.

— Не так много?! — Я встала, почти кричала. — Не так много?! Для тебя, может, нет.

Для меня — это годы надежд, слёз и веры. Верила в нас. Верила, что ты меня выберешь. А теперь что?

Он подошёл ближе, тихо, сдержанно.

— Люда… — начал он, и я замерла. Его голос был необычно мягким, почти жалостливым. — Я тебя люблю. Я ценю тебя. Но я не хочу торопиться. Мы должны быть готовы.

— Любишь? — я усмехнулась, хотя сердце колотилось. — Любишь… а дети? Семья? Что это за любовь, если ты всё время говоришь «ещё немного»?

Он молчал.

Его глаза смотрели куда-то вдаль, будто пытались найти ответ там, где его нет.

— Я… я хочу, чтобы всё было идеально. Чтобы мы были готовы. Чтобы ты не страдала.

— Я страдаю уже семь лет! — слёзы прорвались, и я закрыла лицо руками. — Я жду, Никита. Жду тебя и твоего «идеального времени». И что я получаю взамен? Твой контроль. Твои придирки. Твою холодность.

Он вздохнул, присел рядом, положил руку на мою, но я выдернула её.

— Не трогай меня! — тихо сказала я.

— Я устала от «любви», которая душит. От мужчины, который боится жить настоящей жизнью.

В комнате воцарилась тишина.

Лишь дождь стучал по окну, считая секунды, минуты, годы ожидания.

Я думала, что этот разговор разрушит всё, но, наоборот, я впервые почувствовала, как просыпается во мне сила.

Сила, которую я прятала за слезами, надеждой, преданностью.

— Люда… — Никита осторожно коснулся моего плеча.

— Мы обсудим это позже. Сейчас не время.

— Не время? — я подняла глаза, полные слёз и решимости.

— Никита, для меня это время уже прошло! Сколько ещё мне ждать твоего «ещё немного»? Сколько лет я буду терпеть твою нерешительность и холодность?

Он молчал. Его привычная реакция — упрёк, обвинение, контроль — в этот раз не сработала.

Я видела в его глазах смесь раздражения и тревоги. И это дало мне странное чувство власти.

— Знаешь что? — сказала я тихо, почти шепотом.

— Я больше не буду ждать. Если ты не готов… если ты не хочешь семьи со мной… я найду свой путь сама.

Он вдруг замер.

Я видела, как его привычный мир, в котором он контролировал всё, дрожал.

— Люда… — начал он, но я уже не слушала.

Я смотрела на куклу в руках, потом на окно, на серый дождливый Петербург, и впервые за долгое время я почувствовала, что могу дышать.

Дышать для себя.

— Семь лет… — прошептала я.

— Семь лет я ждала тебя. И больше не буду.

И впервые я поняла, что мечты о семье могут быть разрушены не внешними обстоятельствами, а человеком, которого ты любишь больше всего.

Глава 4. Ссора на пустяках

— Люда, — Никита подошёл ко мне с этим холодным взглядом, который я уже давно научилась бояться.

— Почему носки на полу?

Я вздохнула, но не успела ответить, как он уже начал.

— Это не просто носки! — голос его был низким, ровным, почти хмурым, но внутри него пряталась привычная агрессия.

— Это хаос. И этот хаос отражает твоё отношение ко всему в жизни.

Я замерла. «Отношение ко всему в жизни?» — подумала я.

Он серьёзно? Носки на полу — и уже диагноз моей личности?

— Никита… я… — пыталась я объяснить, но он меня прервал.

— Не начинай оправдываться. Каждый раз одно и то же. Ты не умеешь поддерживать порядок. Ты не умеешь ничего делать «как надо».

Я почувствовала, как внутри что-то сжимается, словно руки невидимого человека сжали сердце.

— Но это всего лишь носки… — тихо сказала я.

— Я уберу их.

— Всегда «я уберу», «я постараюсь», «ещё чуть-чуть». Но когда, Люда? Когда ты перестанешь быть такой бесполезной и неряшливой?

Слова разрывали меня изнутри.

Семь лет я терпела эти придирки, эти насмешки, этот ежедневный контроль.

Семь лет я делала всё, что могло облегчить его критику, и всё равно было мало.

— Никита… — голос дрожал, но я старалась сохранять спокойствие.

— Я стараюсь. Я делаю всё, что могу.

Он нахмурился, шагнул ближе и оперся на край стола.

— «Делаешь всё, что можешь»? — пересказал он мои слова с явной насмешкой.

— Люда, «стараться» — это не оправдание. Если ты любишь меня, ты будешь делать идеально.

Я почувствовала, как слёзы подступают.

Но я проглотила их.

Я не хочу давать ему удовлетворение видеть мою слабость.

— Хорошо, — выдохнула я тихо.

— Я уберу.

— И ещё, — Никита продолжал, словно энергия его недовольства была неисчерпаема.

— Почему рубашка на вешалке не по цвету? Почему носки разного цвета в ящике? Люда, ты когда-нибудь думаешь?

— Я думала… — начала я, но он снова перебил.

— Думаешь? — повторил он с ехидной интонацией.

— Думаешь, что можно жить в этом хаосе и всё будет нормально? Люда, ты не умеешь организовывать жизнь. И это не шутка.

Я опустила взгляд.

Сердце колотилось, дыхание сбилось.

Всё, что я чувствовала — смесь боли, разочарования, усталости и злости.

— Ты можешь хоть иногда сказать что-то доброе? — тихо прошептала я, и это прозвучало почти как мольба.

Он замер.

На секунду я подумала, что мои слова пробили его броню.

Но затем он усмехнулся.

— Доброе? — переспросил он. — Зачем? Если ты и так всё время делаешь неправильно?

Я подняла глаза и увидела в его взгляде привычное: контроль, холод и невидимую угрозу.

Каждый раз, когда он так смотрит, я ощущаю, как теряю себя.

— Никита, — я шагнула к нему.

— Семь лет я стараюсь для тебя. Семь лет я подстраиваюсь под твои правила, под твою чистоту, под твои привычки. И что? Я всё ещё недостаточно хороша?

Он отстранился, слегка поднял подбородок, как будто хотел показать, что это я не права.

— Люда… это не про тебя. Это про порядок. Про то, как нужно жить. Я не хочу, чтобы наш дом был… хаосом.

— Хаосом? — почти крикнула я.

— Ты называешь хаосом жизнь, которую мы строим вместе? Ты называешь хаосом то, что я делаю для нас?

В этот момент я впервые почувствовала, как внутри меня горит не только боль, но и ярость.

— Да! — кричала я, — Да, я делаю всё для нас, а ты видишь только ошибки! Семь лет, Никита! Семь лет! И всё, что я получаю — придирки, контроль и холод!

Он замер, но молчал.

Я видела, что его привычная уверенность трещит по швам.

В этот момент я почувствовала странное чувство — власть.

Не власть над ним, а власть над самой собой.

Я больше не буду прятать свои эмоции.

— И знаешь что, — сказала я, почти шепотом, — если ты не можешь ценить то, что я делаю, я буду делать это для себя. Для своей жизни. И пусть тебе это не нравится.

Никита молчал.

Его глаза были полны недовольства, но в них появилось что-то новое — тревога.

Я посмотрела на него и впервые за долгое время поняла: этот дом, этот город, этот мужчина — могут разрушить меня, если я позволю.

Но я не позволю.

— Убирай носки, — сказал он наконец, почти шёпотом.

— Да, — ответила я спокойно, хотя внутри меня буря эмоций. Я понимала одно: семь лет терпения закончились. И теперь начинается новая жизнь — жизнь, где я больше не буду прятать боль и обиду.

Я вздохнула, собралась с силами и пошла собирать вещи.

А в сердце уже росла странная, тревожная надежда: что когда-нибудь я смогу жить без этого постоянного контроля, без этих придирок, без этого холодного взгляда, который когда-то казался любовью.

Глава 5. «Ты слишком эмоциональна»

— Люда… — Никита подошёл ко мне, его голос был тихим, но с той привычной, ледяной ноткой, которая всегда заставляла моё сердце сжиматься.

— Ты слишком эмоциональна.

Я замерла.

«Слишком эмоциональна?» — повторила я мысленно.

Слово, которое он использовал столько раз, будто диагноз, будто приговор.

Слово, которое убивало мои попытки быть собой.

— Я? — тихо спросила я, хотя внутри уже буря.

— Я слишком эмоциональна, потому что переживаю за нас, за тебя, за всё, что мы строим?

Он нахмурился.

Его глаза холодно сверлили меня насквозь.

— Переживаешь? — пересказал он с ехидной интонацией.

— Люда, твои эмоции мешают нам жить. Твоя буря внутри разрушает покой.

Я почувствовала, как внутри сжимается грудь.

Боль и злость смешались с привычным страхом.

Семь лет я терпела его замечания, но этот раз был особенно болезненным.

— Мешают? — повторилая, стараясь не плакать.

— Никита, я не могу молчать, когда чувствую, что мы теряем время, когда вижу, что ты откладываешь наше будущее…

Он сделал шаг ко мне, и я почувствовала привычное давление его присутствия.

— Люда, — сказал он мягко, но с железной уверенностью, — я не хочу, чтобы ты всегда всё драматизировала. Иногда нужно просто принять ситуацию и ждать.

— Ждать? — голос сорвался, и я почувствовала, как слёзы подкатывают к глазам.

— Сколько ещё мне ждать, Никита? Сколько лет я должна терпеть твои «ещё немного»?

Он молчал.

Его молчание давило сильнее любых слов.

Я видела в его глазах привычное сочетание раздражения и контроля. Внутри меня росла злость, но я боялась проявить её полностью.

— Я устала, Никита, — тихо сказала я.

— Я устала от постоянного «ждать», от твоих упрёков, от того, что мои чувства для тебя слишком сильны…

Он нахмурился, а затем подошёл ближе и оперся рукой о стену рядом со мной.

— Люда, твои эмоции не делают тебя сильной. Они делают тебя слабой. Тебе нужно научиться контролировать себя.

Я почувствовала, как внутри меня всё кипит.

Каждое его слово — словно удар ножом.

— Слабая? — прошептала я.

— Ты называешь слабостью то, что я люблю тебя, то, что я переживаю, то, что хочу семью и детей?

Он посмотрел на меня холодно.

— Любовь — это не крики и слёзы, Люда. Любовь — это спокойствие, порядок, логика. Эмоции только мешают.

Я отстранилась. В груди что-то лопнуло. Семь лет надежд, семь лет терпения, семь лет борьбы за будущее — и всё это оказалось «слишком».

— Я не могу больше так жить, Никита, — сказала я тихо, но твёрдо. — Я больше не хочу быть «слишком эмоциональной» для тебя.

Он сделал шаг назад, будто я впервые за долгое время бросила ему вызов.

— Ты угрожаешь мне? — его голос звучал холодно, но в нём появился лёгкий оттенок тревоги.

— Нет, — сказала я.

— Я предупреждаю. Сама себе я больше не позволю прятать чувства, бояться и терпеть твою холодность.

Он молчал, и я видела, как привычная уверенность Никиты трещит по швам.

В его глазах мелькнула тревога — впервые он оказался перед стеной, которую не мог контролировать.

Я подошла к окну, смотрела на дождливый Петербург и думала о том, что этот город принесёт нам новые испытания.

Я чувствовала, что мы стоим на грани — грани, где мои эмоции станут либо моим оружием, либо моим разрушением.

— Люда… — тихо начал Никита, — я…

— Не говори ничего, — перебила я его.

— Просто слушай. Семь лет ты учил меня молчать, прятать чувства, быть «спокойной». Но я больше не могу. И больше не хочу.

Он молчал.

В комнате стояла тишина, прерываемая только дождём за окном.

Я впервые ощутила странное чувство свободы — страх и ужас смешались с решимостью.

Я знала одно: эта ссора — только начало.

Начало того, что вскоре разрушит привычный мир, который мы строили годами.

И где-то внутри я понимала, что Никита впервые в жизни почувствует: эмоции Люды — не игрушка, не слабость, а сила, с которой он не может справиться.

— Хорошо, — наконец сказал он тихо, почти шепотом.

— Мы… обсудим это позже.

Я кивнула, но уже знала: обсуждать мы будем только мою жизнь.

Мою свободу.

Мои мечты.

И в этот момент я впервые почувствовала: страх больше не сможет управлять мной.

Я была готова бороться — за себя, за своё счастье, за семью, о которой мечтала всю жизнь.

Глава 6. Друзья и поддержка

Я сидела на диване у подруги Насти, обхватив колени руками, и думала, как всё дошло до этого.

Дождь стучал по окну, напоминая о сером Петербурге, где я жила последние недели.

А внутри меня бушевала буря — та, которую я привыкла прятать.

— Люда, — Настя посмотрела на меня внимательно.

— Что с тобой? Ты выглядишь так, будто пронесли через шторм и забыли на берегу.

Я вздохнула.

Как объяснить, что семь лет отношений, надежды на семью, мечты о детях — всё это оказалось иллюзией?

— Настя… — начала я, но слова застряли в горле. — Я… я не знаю, что делать.

— Слушай, говори.

— Настя села рядом, взяла меня за руку.

— Я знаю тебя. Ты обычно держишь всё в себе.

Я закрыла глаза, чтобы слёзы не прорвались.

— Он… — я с трудом выдавила слово.

— Он такой холодный, Никита… Он придирается ко мне по мелочам, контролирует всё. Семь лет я жду от него семьи, детей… а он всё откладывает.

— Люда… — Настя вздохнула.

— Я видела, как ты менялась за эти годы. Ты стала тревожной, постоянно сомневаешься в себе… Это Никита делает с тобой, да?

Я кивнула.

— Да… Я знаю, что это не я такая. Это он. Его контроль, его холод, его требования… — голова кружилась, сердце билось так, что казалось, вот-вот выскочит из груди.

— Я люблю его, Настя, но… иногда мне кажется, что теряю себя.

— Люда… — Настя взяла меня за плечи.

— Слушай, я вижу это давно. Ты боишься разрыва, боишься остаться одна. Но ты должна понять: если ты останешься, ты будешь терять себя каждый день.

Я опустила взгляд.

Я боялась.

Боялась, что без него не смогу.

Семь лет рядом с Никитой сделали меня зависимой.

Я боялась одиночества, боялась, что никто меня не полюбит.

— Но… — я прошептала, — если я уйду, если я решусь на разрыв… что тогда? Я не хочу разрушать всё, что строила… Всё, что мы планировали…

— Разрушать? — Настя усмехнулась, но в её глазах была мягкость.

— Люда, ты не разрушишь. Ты просто спасёшь себя. Ты наконец перестанешь жить в клетке, которую построил Никита.

— Я не могу просто взять и уйти, Настя… — я почувствовала, как слёзы подступают.

— Я люблю его… я люблю.

— Любовь? — Настя нахмурилась.

— Любовь не должна быть пыткой, Люда. Любовь не должна делать тебя слабой, тревожной, сломленной. Посмотри на себя: ты измучена, ты истощена, ты больше не узнаешь себя.

Я промолчала.

Она права.

Семь лет меня ломали, но я всё ещё пыталась верить, что смогу изменить его.

Что смогу ждать «ещё немного».

— Я понимаю, — тихо сказала я, — что ты права. Но как мне перестать бояться? Как перестать любить его, когда всё внутри кричит: «Ты должна быть с ним»?

— Ты должна любить себя больше, — сказала Настя строго, но нежно.

— Ты уже пожертвовала собой ради него. Семь лет! Семь лет ожиданий, слёз, компромиссов. А что он сделал для тебя?

Я уткнулась лицом в руки.

Всё это звучало слишком просто и слишком больно одновременно.

Настя была права, но страх остаться одной душил меня.

— Люда… — Настя прикоснулась к моей щеке.

— Слушай, ты не одна. Ты всегда можешь говорить со мной. Я буду рядом. И если решишь, что хватит ждать — я поддержу тебя.

Я подняла глаза.

Настя смотрела на меня с такой силой и уверенностью, что впервые за долгое время внутри меня появилось тепло.

Тёплая искра надежды, что всё можно изменить.

— Ты думаешь… — начала я тихо, — что я смогу без него?

— Ты сможешь, — Настя улыбнулась. — Ты сильнее, чем думаешь. И ты никогда не узнаешь это, если не сделаешь первый шаг.

Я села прямо, сердце колотилось так, будто готово было вырваться наружу.

Я впервые почувствовала, что могу быть честной с самой собой: что любовь, которую я испытываю к Никите, уже разрушает меня.

— Я… — сказала я, чуть дрожа, — я хочу попробовать. Попробовать жить для себя.

Настя сжала мою руку.

— Это первый шаг. Ты уже начала.

И в этот момент я поняла, что семнадцать лет мечты о семье, о детях, о счастливой жизни с Никитой — не закончены.

Они меняют форму.

Они больше не зависят от него.

Они зависят от меня.

Я впервые почувствовала свободу.

Лёгкую, страшную и прекрасную.

И впервые я поняла, что настоящая борьба начинается сейчас.

Борьба за себя, за свои мечты, за свою жизнь.

— Спасибо, Настя… — сказала я тихо.

— За всё. За то, что услышала. За то, что веришь в меня.

— Ты справишься, — сказала она. — Просто поверь в себя.

Я выдохнула, и внутри что-то щёлкнуло.

Первая надежда на то, что я могу быть сильной.

Первая искра силы, которая будет вести меня дальше, сквозь холод Никиты, через ссоры, через разочарования.

Я знала одно: теперь у меня есть опора. Настя.

И я больше не одна.

И где-то в глубине души я почувствовала странное предчувствие: скоро всё изменится.

И уже ничто не будет прежним.

Глава 7. Работа и независимость

Я стояла у окна, держа в руках конверт с приглашением на собеседование.

Сердце билось так быстро, что казалось, будто оно вот-вот вырвется наружу.

«Это мой шанс, Люда», — шептала я самой себе.

«Шанс почувствовать себя живой, независимой, нужной не только Никите».

— Ты опять что-то читаешь? — Никита подошёл с привычной холодной улыбкой, и я почувствовала знакомое давление. Его глаза сканировали меня с той лёгкой подозрительностью, которую он всегда проявлял, когда я делала что-то без его ведома.

— Да… я… получила приглашение на собеседование, — выдавила я, стараясь сохранить спокойный тон.

Он нахмурился, и внутри меня что-то защёлкнуло.

Это было предчувствие ссоры, знакомое как дыхание перед бурей.

— Собеседование? — переспросил он с явной раздражённостью.

— Люда, мы уже говорили, что твои амбиции… слишком эмоциональны. Тебе не нужна работа, тебе нужна семья.

— Семья? — повторила я тихо, чувствуя, как в груди поднимается ярость.

— Никита, если бы я хотела только семью, я бы жила для тебя, как раньше. Но я хочу быть самостоятельной. Я хочу, чтобы моя жизнь имела смысл не только рядом с тобой.

Он подошёл ближе, и я почувствовала давление его присутствия.

— Люда… — сказал он медленно, почти угрожающе, — ты начинаешь уходить от меня. Ты слишком далеко уходишь.

— Я не ухожу! — воскликнула я, и голос дрожал, хотя я старалась быть ровной.

— Я просто пытаюсь жить! Жить для себя, Никита! Семь лет я ждала твоей решительности, семью, дети, планы — и что? Я теряю себя, потому что ты боишься!

Он замер. В его глазах мелькнуло раздражение, смешанное с непониманием.

— Живи для себя? — повторил он с ехидной ноткой.

— Люда, ты не понимаешь, что семейная жизнь — это компромиссы. Ты должна подстраиваться, а не идти своей дорогой.

— Компромиссы? — я сделала шаг к нему, и слёзы подступили.

— Семь лет компромиссов, Никита! Семь лет я подстраиваюсь, терплю твой контроль, твои придирки, твои «ты слишком эмоциональна», и теперь ты говоришь, что я не имею права хотеть работать, иметь свои цели?

Он вздохнул, чуть отстранился, но его глаза не смягчились.

— Люда… тебе кажется, что работа решит все твои проблемы. Но она не сделает тебя счастливой.

Счастье — это порядок, семья, стабильность. Всё остальное — иллюзия.

— Иллюзия? — почти крикнула я.

— Иллюзия — это жить семь лет в страхе твоей реакции на каждый мой шаг! Иллюзия — это ждать твоего «ещё немного», когда мои мечты и годы уходят безвозвратно!

Он сделал шаг назад, и я почувствовала, как впервые могу быть выше страха.

В груди что-то щёлкнуло.

— Я не буду больше прятать свои чувства! — сказала я тихо, но твёрдо.

— Я буду жить. Я буду работать. Я буду строить свою жизнь!

Он замер, как будто впервые услышал от меня настоящие слова, не скрытые под «я стараюсь», «я сделаю всё правильно».

Его привычная уверенность трещала по швам.

— Люда… — начал он, но я перебила его.

— Не «Люда…»! — кричала я, и слёзы текли по щекам.

— Ты боишься меня потерять, а я боюсь потерять себя!

В комнате стояла тишина.

Дождь за окном стучал как метроном, отсчитывая секунды перемен.

Я впервые почувствовала странное, тревожное чувство свободы.

Страх был ещё здесь, но он не контролировал меня.

— Хорошо, — сказал Никита наконец, почти шёпотом.

— Если ты так хочешь, — и это прозвучало как уступка, — попробуй. Но не жди, что это изменит меня.

Я кивнула.

Сердце билось, будто готово вырваться.

Я знала, что впереди будет борьба: за работу, за независимость, за право быть собой.

Но впервые я почувствовала, что могу идти этой дорогой, что могу дышать полной грудью, даже если Никита раздражён, сердит или разочарован.

Я посмотрела на конверт в руках.

Это была не просто бумага.

Это был шанс.

Шанс доказать самой себе, что я могу жить не только ради него, а ради себя.

Шанс почувствовать вкус свободы, который я слишком долго прятала за слезами и компромиссами.

И в этот момент я поняла: семь лет терпения дали мне силу.

Теперь я смогу использовать её, чтобы строить свою жизнь.

А Никита? Пусть привыкает к тому, что Люда — уже не та девочка, которая жила только ради него.

Я вздохнула глубоко, улыбнулась себе в отражении окна и сказала тихо, почти шепотом:

— Я сделаю это. И больше никто не сможет меня остановить.

Глава 8. Семейные воспоминания

Я сидела на диване и смотрела на старую фотокопию нашего совместного фото с маленького города.

Никита держал меня за талию, и мы смеялись — тогда казалось, что весь мир принадлежит нам.

Я вспомнила, как вперв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.